

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФИЛОСОФИИ

Часть 1

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СПО

Под редакцией А. Н. Чумакова

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом среднего профессионального образования
в качестве учебного пособия для студентов образовательных учреждений среднего
профессионального образования*

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 1(075.32)
ББК 87я723
Х91

Ответственный редактор:

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук.

Рецензенты:

Миронов В. В. — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук;

Щелкунов М. Д. — доктор философских наук, профессор;

Перцев А. В. — доктор философских наук, профессор.

Хрестоматия по философии. В 2 ч. Часть 1 : учеб. пособие для СПО / под ред. А. Н. Чумакова. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 366 с. — (Серия : Профессиональное образование).

ISBN 978-5-534-11663-2 (ч.1)

ISBN 978-5-534-11668-7

Учебное пособие является дополнением к учебнику «Философия» В. Н. Лавриненко. В нём содержатся избранные тексты, фрагменты и выдержки из оригинальных произведений наиболее известных и авторитетных философов, работы которых являются лучшей частью богатейшего наследия мировой философской мысли. Представлено в двух частях. В первую входят предмет и история философии, во вторую — основные проблемы философии.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и профессиональным требованиям.

Для студентов, преподавателей и всех, кто интересуется проблемами философии.

УДК 1(075.32)

ББК 87я723

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-11663-2 (ч.1)
ISBN 978-5-534-11668-7

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Авторский коллектив	7
Предисловие	8

Раздел I

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика.....	15
ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.....	16
И. КАНТ. Понятие философии вообще.....	18
К. ЯСПЕРС. Что такое философия?	21
М. ХАЙДЕГГЕР. Что это такое — философия?	26
Ж. ДЕЛЁЗ, Ф. ГВАТТАРИ. Что такое философия?	31
М. К. МАМАРДАШВИЛИ. Как я понимаю философию.....	39

Раздел II

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Философия Древнего Востока	45
Философия Древней Индии	45
Философия Древнего Китая.....	54
КОНФУЦИЙ. Беседы и суждения.....	54
ШАН ЯН. Книга правителя области Шан	58
ЛАО-ЦЗЫ. Дао дэ Цзин	60
Античная философия.....	64
ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.....	64
ГЕРАКЛИТ. Фрагменты	70
ПАРМЕНИД. О природе.....	72
ПЛАТОН. Государство. Апология Сократа.....	77
АРИСТОТЕЛЬ. О душе. Политика.....	106
ЭПИКУР. Мудрые мысли.....	110
СЕНЕКА. Нравственные письма к Луцилию.....	112
Философия Средних веков	116
Средневековая христианская философия.....	116
АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ. Исповедь. О Граде Божиим.....	116
Г. ПАЛАМА. Сто пятьдесят глав... Триады.....	123
ФОМА АКВИНСКИЙ. Сумма теологии.....	125
У. ОККАМ. О терминах	132

Средневековая арабо-мусульманская философия	134
АЛЬ-КИНДИ. О первой философии	134
АЛ-ФАРАБИ. Трактат о взглядах жителей добродетельного города	136
ИБН СИНА. Метафизика	142
АЛ-ГАЗАЛИ. Избавляющий от заблуждения	146
ИБН РУШД. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией	150
ИБН ХАЛДУН. Книга назиданий и сборник начала и сообщения о днях арабов, персов и берберов и современных им обладателей высшей власти	156
Философия эпохи Возрождения	161
Ф. ПЕТРАРКА. Сочинения философские и полемические	161
Н. КУЗАНСКИЙ. Избранные философские сочинения	168
ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. Похвальное слово глупости. Философские произведения	171
М. ДЕ МОНТЕНЬ. Опыты	174
ДЖ. БРУНО. Диалоги. О героическом энтузиазме. Изгнание торжествующего зверя. О сущности человека. О бытии и материи	177
Н. МАКИАВЕЛЛИ. Государь	187
Т. МОР. Утопия	195
Т. КАМПАНЕЛЛА. Город солнца	197
Философия Нового времени	199
Ф. БЭКОН. Новый Органон	199
Т. ГОББС. Основы философии	200
ДЖ. ЛОКК. Опыт о человеческом разумении	202
Р. ДЕКАРТ. Рассуждение о методе... Размышления о первой философии	203
Б. СПИНОЗА. Этика	206
Г. ЛЕЙБНИЦ. Монадология	207
ДЖ. БЕРКЛИ. Трактат о принципах человеческого знания	208
П. ГОЛЬБАХ. Система природы	210
Д. ЮМ. Трактат о человеческой природе	211
Философия эпохи Просвещения	213
ВОЛЬТЕР. Философские взгляды	213
Д. ДИДРО. Разговор д'Аламбера и Дидро	214
Ж.-Ж. РУССО. Об общественном договоре, или Начала политического права	215
Т. ДЖЕФФЕРСОН. Заметки о религии	217
Б. ФРАНКЛИН. Будущее науки. О христианской нравственности	218
Т. ПЕЙН. Исследования истинной и вымышленной теологии	219
И. В. ГЁТЕ. О немецком зодчестве	220
А. Н. РАДИЩЕВ. О человеке, его смертности и бессмертии	221
Немецкая классическая философия	223
И. КАНТ. Критика чистого разума	223

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ. Энциклопедия философских наук	234
Л. ФЕЙЕРБАХ. Основные положения философии будущего	248
Марксистская философия.....	250
К. МАРКС. К критике гегелевской философии права. К критике политической экономии. Капитал. Письмо И. Вейдемейеру. Тезисы о Фейербахе.....	250
Ф. ЭНГЕЛЬС. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Письма об историческом материализме	256
К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС. Немецкая идеология	262
Г. В. ПЛЕХАНОВ. Основные вопросы марксизма.....	263
В. И. ЛЕНИН. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?	266
Русская философия	269
И. В. КИРЕЕВСКИЙ. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России	269
А. С. ХОМЯКОВ. Предисловие к «Русской беседе». Церковь одна.....	270
П. Я. ЧААДАЕВ. Философические письма	271
А. И. ГЕРЦЕН. О развитии революционных идей в России	272
В. С. СОЛОВЬЁВ. Смысл любви. Первый шаг к положительной эстетике. Оправдание добра. Чтения о Богочеловечестве	274
Н. А. БЕРДЯЕВ. Философия свободного духа. О назначении человека. Философия свободы. Смысл творчества.....	278
Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ. Смысл жизни	282
Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ. Россия и Европа	284
И. А. ИЛЬИН. В поисках справедливости. Что есть право голоса? Русскому народу необходимо духовное обновление. Нас научит жизнь. Зависть как источник бедствий. О политическом успехе. О чувстве ответственности.....	292
С. Н. БУЛГАКОВ. Философия хозяйства	306
В. И. ВЕРНАДСКИЙ. Научная мысль как планетное явление	309
К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ. Грезы о Земле и небе.....	310
А. Л. ЧИЖЕВСКИЙ. Земное эхо космических бурь	311
Западная философия второй половины XIX — начала XXI в.	312
Иррационализм и философия жизни.....	312
А. ШОПЕНГАУЭР. Мир как воля и представление	312
Ф. НИЦШЕ. Так говорил Заратустра. Афоризмы и интермедии.....	313
А. БЕРГСОН. Расходящиеся направления эволюции жизни. Оцепенение, интеллект, инстинкт	315
Позитивизм и неопозитивизм.....	317
О. КОНТ. Закон трех стадий истории	317
Л. ВИТГЕНШТЕЙН. Логико-философский трактат.....	318
Прагматизм	320
ДЖ. ДЬЮИ. Как можно познать познание?.....	320
Феноменология	323
Э. ГУССЕРЛЬ. Философия как строгая наука	323

Экзистенциализм.....	326
С. КЬЕРКЕГОР. Страх и трепет.....	326
М. ХАЙДЕГГЕР. Письмо о гуманизме. Время и бытие.....	329
К. ЯСПЕРС. Духовная ситуация времени.....	335
Ж.-П. САРТР. Марксизм и экзистенциализм. Экзистенциализм — это гуманизм. Бытие и ничто.....	335
А. КАМЮ. Миф о Сизифе. Бунтующий человек.....	339
Герменевтика	340
Х.-Г. ГАДАМЕР. Истина и метод. Основы философской герменевтики....	340
П. РИКЁР. Понимание и объяснение	346
Структурализм	349
К. ЛЕВИ-СТРОСС. Структурный анализ в лингвистике и антропологии	349
Постмодернизм	351
Ж. ДЕРРИДА. Письмо японскому другу	351
ДЖ. ВАТТИМО. Постмодернизм: Прозрачное общество?	355
Р. РОРТИ. Случайность, ирония и солидарность.....	359
Ю. ХАБЕРМАС. Модерн — незавершенный проект	363

Авторский коллектив

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, Первый вице-президент Российского философского общества (руководитель авторского коллектива);

Волобуев Алексей Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ответственный секретарь);

Вальяно Михаил Васильевич — кандидат философских наук, профессор;

Деникин Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор;

Деникина Зоя Дмитриевна — доктор философских наук, профессор;

Зорина Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор;

Зув Константин Александрович — доктор философских наук, профессор;

Иоселиани Аза Давидовна — доктор философских наук, профессор;

Кирабаев Нур Серикович — доктор философских наук, профессор;

Кишлакова Наталья Михайловна — кандидат философских наук, профессор;

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор;

Панов Евгений Генрихович — кандидат философских наук, доцент;

Просекон Сергей Анатольевич — кандидат философских наук, доцент;

Ратников Валентин Петрович — доктор философских наук, профессор;

Силичев Дмитрий Александрович — доктор философских наук, профессор;

Скибицкий Марк Михайлович — доктор философских наук, профессор;

Чернышова Лидия Ивановна — кандидат философских наук, доцент;

Юдин Валентин Васильевич — кандидат философских наук, доцент.

Предисловие

Формирование мировоззренческого, методологического и в целом интеллектуального фундамента современного молодого человека, в том числе и студента, предполагает овладение основами философии. Сегодня такие знания студенты получают прежде всего из лекций преподавателей, учебников и учебных пособий по философии. Но являясь весьма важными источниками получения знаний по философии, все они представляют собой все-таки вторичное знание, адаптированное для более удобного усвоения студентами. Поэтому получается так, что студент, читая учебники, учебные пособия и слушая лекции, смотрит на мир, рассматривает ту или иную проблему сквозь призму той интерпретации, которая представлена лектором или автором текста. Это, конечно, важный и необходимый момент овладения философской культурой, но совершенно недостаточный, особенно в современной динамичной, быстро меняющейся жизни, когда наряду с глобальными процессами и интернационализацией общественных отношений все в большей степени проявляется стремление к утверждению национального самосознания.

Чтобы овладеть прочными знаниями, развить способность к критическому мышлению, сформировать собственное мнение и убедительно его обосновать, а также чтобы аргументированно отстаивать свою позицию в любой аудитории, студент должен обратиться к первоисточникам, к оригинальным текстам философов, ибо только в них содержатся конечные, фундаментальные и безусловные постулаты той или иной философской концепции, не искаженные ничьей (пусть даже талантливой) интерпретацией и ничьим (даже с научных позиций) объяснением и пониманием. Кроме того, поскольку философия предполагает любовь к мудрости, то для того чтобы насладиться процессом постижения этой мудрости, проникнуть в загадочную и в каждом случае оригинальную лабораторию творческой мысли того или иного философа, опять-таки необходимо обратиться к самому первоисточнику.

Настоящая хрестоматия как раз и призвана помочь изучающим философию в определенной степени справиться с этими непростыми, но такими важными для каждого человека задачами.

Хрестоматия по философии составлена коллективом авторов кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Она содержит избранные фрагменты и выдержки из оригинальных произведений наиболее известных и авторитетных философов, работы которых являются лучшей частью богатейшего наследия мировой философской мысли, а также краткую, но необходимую информацию о них самих и их творчестве.

Разделы хрестоматии полностью соответствуют разделам учебника по философии, подготовленного известными российскими учеными и преподавателями на базе кафедры «Философия» Финансового университета

при Правительстве Российской Федерации¹, а также хорошо соотносится с содержанием другого широко известного учебника, написанного сотрудниками этой же кафедры². Вместе с тем объем и разнообразие включенных в Хрестоматию текстов позволяют без проблем использовать ее при работе практически с любым современным учебником по философии.

Следует также подчеркнуть, что хрестоматия может рассматриваться и как самостоятельное учебное пособие. В его содержании достаточно основательно представлены все необходимые структурные элементы, разделы и дидактические единицы учебника по философии для студентов высших учебных заведений в его современном представлении. При этом тексты подобраны таким образом, чтобы дать представление об основных разделах и наиболее важных проблемах современной систематической философии.

Новизна настоящей хрестоматии по философии состоит не только в том, что в ней даны многие не представленные в других хрестоматиях по философии тексты, но также в том, что в ней представлены тексты одного из самых молодых разделов философии — *философии глобального мира*. Речь идет, таким образом, о новизне самой структуры хрестоматии, которая позволяет наиболее оптимальным, на наш взгляд, способом раскрыть многообразное содержание системы философского знания. В частности, хрестоматия содержит три раздела: «Предмет философии», «История философии» и «Основные проблемы философии».

В первом разделе содержатся фрагменты текстов авторитетных авторов, посвященные вопросу об основных функциях, роли и месте философии в системе научного знания, а также продемонстрирована эволюция представлений о предмете и функциях философского знания. Читатель найдет в данном разделе ответы на следующие вопросы:

- что такое философия;
- каковы предмет, специфика и структура философского знания;
- каково соотношение философии и науки;
- каковы основные функции философии;
- почему философия является составной частью духовной культуры и в чем это выражается.

Для ответов на эти вопросы привлечены работы философов самых разных направлений и школ: *Аристотеля, Диогена Лаэртского, И. Канта, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. К. Мамардашвили*. Таким образом, у читателя будет реальная возможность (причем не только в этом разделе, но и в других) сравнить и проанализировать разные, а порой и альтернативные позиции по рассматриваемой тематике. Для студента это особенно важно и актуально, поскольку дает возможность развивать креативное, философское мышление вообще, и критическое в частности.

Второй раздел составлен в соответствии с хронологическим подходом к изложению философского знания. Раздел содержит подборку текстов наиболее значимых мыслителей, разделенных по темам в соответствии с этапами развития философской мысли на Востоке, Западе и в России.

¹ См.: Философия : учебник / под ред. проф. А. Н. Чумакова. М. : Вузовский учебник ; ИНФРА-М, 2014.

² См.: Философия : учебник для студентов вузов / под ред. В. П. Ратникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассматривая исторические этапы развития философии, авторы выделили для представления в хрестоматии следующие этапы:

- философия Древнего мира (Древняя Индия, Древний Китай, Античная философия);
- философия Средних веков (Христианская и Арабо-мусульманская традиции);
- философия эпохи Возрождения;
- философия Нового времени;
- философия эпохи Просвещения;
- немецкая классическая философия;
- марксистская философия;
- русская философия;
- западная философия второй половины XIX — начала XXI в.

Рассматривая историю развития философской мысли, авторы хрестоматии, как и в первом разделе, стремились к тому, чтобы в ней были по возможности широко представлены самые различные и наиболее важные позиции и точки зрения мыслителей той или иной эпохи и страны, в том числе и русские философы. В связи с этим приведем имена лишь некоторых из знаменитых философов, фрагменты из произведений которых даны в хрестоматии: *Конфуций, Лао-Цзы, Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Сенека, Августин, Фома Аквинский, Н. Кузанский, Э. Роттердамский, Г. Галилей, М. Монтень, Н. Макиавелли, Фр. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Вольтер, П. Гольбах, Д. Дидро, Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Х. Г. Гадамер, П. Рикер, Ж. Деррида, Р. Рорти, Ю. Хабермас, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, А. И. Герцен, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский* и многие другие.

Третий раздел составлен в соответствии с тематическим подходом к описанию основных проблем философии. Тексты этого раздела освещают ключевые фундаментальные проблемы основных разделов философии: онтологии, теории познания, философии и методологии науки, социальной философии и философии истории, философской антропологии, этики, эстетики и, как уже отмечалось выше, одного из самых молодых разделов философии — философии глобального мира.

Совершенно ясно, что среди авторов текстов этого раздела читатель встретит много уже упомянутых выше имен философов. Однако представленные в хрестоматии тексты этих авторов, естественно, посвящены уже другим проблемам. Кроме того, здесь, конечно, представлены и новые имена, связанные с современным этапом развития философского знания. Так, развитие философии и методологии науки обусловило необходимость включения в хрестоматию фрагментов философских произведений таких авторов, как *К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Ю. Хабермас, Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс*. В теме «Социальная философия и философия истории» студент встретится с такими яркими именами, как *Д. Белл, И. Валлерстайн, Л. Н. Гумилев, Х. Ортега-и-Гассет, К. Поппер, П. А. Сорокин, А. Тойнби, Ф. Фукуяма, Ф. А. Хайек, С. Хантингтон, О. Шпенглер, Б. Мандевиль* и другие. В теме «Философская антропология» появятся авторы, внесшие заметный вклад в данную

проблематику, среди которых *З. Фрейд, Э. Фромм, М. Шелер* и другие. В теме, посвященной философии глобального мира, студент получит возможность ознакомиться с фрагментами произведений таких авторов, как *У. Бек, В. И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден, К. Ясперс, А. Печчеи, Д. Медоуз, В. В. Загладин, И. Т. Фролов*.

Хрестоматия включает и много других интересных фрагментов из наиболее важных произведений известных авторов. Это дает основание полагать, что каждый, кто прикоснется к этой книге, с большой долей вероятности найдет в ней текст в соответствии со своими интересами и интеллектуальными привязанностями.

Настоящее учебное пособие призвано приобщить обучающихся философии не только к самому предмету, но и к лучшим образцам философского творчества, без знания которого не может быть по-настоящему образованного и высоконравственного специалиста в любой области современного знания. Материалы хрестоматии могут быть использованы как при устном изучении тем и проблем философии, так и при написании письменных работ различного жанра: докладов, рефератов, эссе и т.д.

Авторы исходили из того, что базисные цели и задачи дисциплины «Философия» сводятся к следующим основным положениям:

- формированию у обучающихся представления о специфике философии как способа познания и духовного освоения мира, об основных разделах современного философского знания, философских проблемах и методах исследования;
- овладению базовыми принципами и приемами философского познания;
- введению студентов в круг философских проблем современности, выработка навыков работы с оригинальными философскими текстами.

Кроме того, имелось в виду, что изучение дисциплины должно быть направлено на развитие у студентов навыков критического восприятия и оценки источников информации, умения логично излагать и аргументированно отстаивать собственное видение проблем и способов их решения, овладения приемами ведения дискуссии, полемики, диалога.

Достижение этих целей призвано способствовать более глубокому усвоению студентами общепрофессиональных и специальных дисциплин, а также обретению ими возможности делать осознанный выбор в пользу позитивных ценностей современного информационного общества.

Изучив курс современной философии в полном объеме и используя материал, представленный в настоящем учебном пособии, студент уже по окончании обучения должен освоить:

трудовые действия

- по использованию навыков философского мышления для выработки системного, целостного взгляда на проблемы общества;
- по владению общенаучными методами познания действительности, выработанными и сформулированными в рамках философии;
- по применению навыков аргументации и ведения дискуссии;

необходимые умения

- применять понятийный и категориальный аппарат, основные законы гуманитарных и социальных наук в профессиональной деятельности;

- применять методы и средства познания для интеллектуального развития, повышения культурного уровня, профессиональной компетентности;
- ориентироваться в мировом историческом процессе, анализировать различного рода мировоззренческие позиции, процессы и явления, происходящие в обществе;

необходимые знания

- основных философских понятий и категорий, наиболее общих тенденций развития природы, общества и мышления;
- концепций, проблем и этапов исторического процесса;
- структуры и элементов общества как целостной динамической системы;
- основных направлений, проблем и методов философии, содержания современных философских дискуссий по проблемам социально-экономического развития.

Коллектив авторов благодарит всех, кто принял участие в подготовке данного издания, и выражает особую признательность А. В. Волобуеву за его творческий вклад и организационные усилия при составлении макета.

Данное издание предназначено для студентов, но оно будет полезно также для преподавателей и всех, кто интересуется предметом философии, ее историей и современными проблемами.

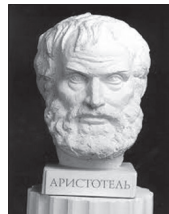
Составители пособия приводят электронные ссылки на источники произведений исключительно в справочных целях и рекомендуют уважать авторские права.

Раздел I
ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика

АРИСТОТЕЛЬ (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, крупнейший систематизатор античных знаний. Родился в Стагире (отсюда прозвище — Стагирит). Ученик Платона, участник платоновской Академии. В 335 г. до н.э. основал Ликей (др.-греч. Λύκειο — лицей, или перипатетическая школа). Воспитатель Александра Македонского. Наиболее влиятельный из диалектиков древности; основоположник формальной логики. Аристотель был первым мыслителем, создавшим всестороннюю систему философии, охватившую все отрасли современного для того времени знания. «Первая философия» (метафизика) содержит учение об основных принципах бытия: возможности и осуществлении, форме и материи, действующей причине и цели. Ступени природы: неорганический мир, растение, животное, человек. Один из родоначальников биологии и физики. Работы об искусстве, поэзии и риторике («Риторика», «Поэтика»). В теории государства наилучшей формой государственного устройства считал «политию», наихудшей — тиранию. В этике сторонник теории середины и меры («Никомахова этика», «Большая этика» и др.). Взгляды Аристотеля оказали серьезное влияние на последующее развитие человеческой мысли.

Книга шестая (Z)¹. 7 (VII). Мудрость в искусствах мы признаем за теми, кто безупречно точен в [своем] искусстве; так, например, Фидия мы признаем мудрым камнерезом, а Поликлета — мудрым ваятелем статуй, подразумевая под мудростью, конечно, не что иное, как добродетель, [т.е. совершенство] искусства. Однако мы уверены, что существуют некие мудрецы в общем смысле, а не в частном и ни в каком другом, как Гомер говорит в «Маргите»:

Боги не дали ему землекопа и пахаря мудрость,
Да и другой никакой.

Итак, ясно, что мудрость — это самая точная из наук. А значит, должно быть так, что мудрец не только знает [следствия] из принципов, но и обладает истинным [знанием самих] принципов (pen tas arkhas aletheyein).

Мудрость, следовательно, будет умом и наукой, словно бы заглавной наукой о том, что всего ценнее. Было бы нелепо думать, будто либо наука о государстве, либо рассудительность — самая важная [наука], поскольку человек не есть высшее из всего в мире. Далее, если «здоровое» и «благое» для людей и рыб различно, но «белое» и «прямое» всегда одно и то же, то и мудрым все бы признали одно и то же, а «рассудительным» разное. Действительно, рассудительным назовут того, кто отлично разбирается в том или ином деле, {касающемся [его] самого}, и предоставят это на его усмотрение. Вот почему даже иных зверей признают «рассудительными»,

¹ См.: *Аристотель. Никомахова этика* // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 178–180. URL: http://philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html

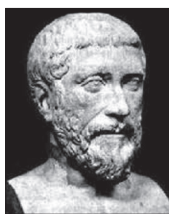
а именно тех, у кого, видимо, есть способность предчувствия того, что касается их собственного существования. Так что ясно, что мудрость и искусство управлять государством не будут тождественны, ибо если скажут, что [умение разбираться] в собственной выгоде есть мудрость, то много окажется мудростей, потому что не существует одного [умения] для [определения] блага всех живых существ совокупно, но для каждого — свое, коль скоро и врачебное искусство тоже не едино для всего существующего.

А если [сказать], что человек лучше [всех] прочих живых существ, то это ничего не меняет, ибо даже человека много божественнее по природе другие вещи, взять хотя бы наиболее зримое — [звезды], из которых состоит небо (kosmos).

Из сказанного, таким образом, ясно, что мудрость — это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных. Вот почему Анаксагора и Фалеса и им подобных признают мудрыми, а рассудительными нет, так как видно, что своя собственная польза им неведома, и признают, что знают они [предметы] совершенные, достойные удивления, сложные и божественные, однако бесполезные, потому что человеческое благо они не исследуют.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ.

О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов

ЛАЭРТСКИЙ Диоген — позднеантичный историк философии. Никаких данных о личности и биографии Диогена Лаэртского не сохранилось. Неизвестны и даты его жизни; приблизительная биографическая датировка — конец II — начало III в. н.э. По мнению некоторых авторов, нельзя исключить, что мы имеем дело не с реальным именем, а с псевдонимом, заимствованным из гомеровского эпоса. Именем Диогена Лаэртского подписан эллинистический трактат, излагающий биографии и воззрения античных мыслителей начиная с архаической эпохи (Фалес, Солон) и вплоть до рубежа нашей эры. Диоген не стремился ни к хронологической связности материала, ни к его систематическому изложению. Важнейшим критерием для него являлись разнообразие и живость подачи сведений. Несмотря на то что метод и стиль Диогена весьма далеки от современных представлений о научном изложении, историко-философская ценность его трактата весьма значительна. Мы находим у него, например, целый ряд изречений Гераклита, неизвестных из других источников, уникальный список несохранившихся трудов Демокрита, ценные текстологические сведения о сочинениях Платона, достаточно внятное изложение логики и этики ранних стоиков.

Книга первая. Вступление¹. Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассирийян — халдеи, у индийцев — гимнософисты, у кельтов и галлов — так называемые друиды и семнофеи... Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест, сын Нила...

И все же это большая ошибка — приписывать варварам открытия эллинов: ведь не только философы, но и весь род людей берет начало от элли-

¹ См.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / пер. с др.-греч. и прим. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 2009. С. 63–68. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/diogen1/txt01.htm>

нов. В самом деле, достаточно припомнить, что именно среди афинян родился Мусей, а среди фиванцев — Лин.

Мусей, сын Евмолпа, первый, по преданию, учил о происхождении богов и первый построил шар; он учил, что все на свете рождается из Единого и разрешается в Едином... От Евмолпа, отца этого Мусея, получил свое имя афинский род Евмолпидов.

Лин, по преданию, был сыном Гермеса и музыки Урании; он учил о происхождении мира, о путях солнца и луны, о рождении животных и растений...

...Вот таким образом началась у эллинов философия, самое имя которой чуждо варварской речи.

Те, кто приписывают открытие философии варварам, указывают еще и на фракийца Орфея, называя его философом, и притом древнейшим. Но я не уверен, можно ли называть философом человека, который говорил о богах так, как он; да и вообще не знаю, как назвать человека, который бесстыдно приписывает богам все людские страсти, в том числе такие мерзкие дела, которые редкому человеку и на язык придут...

...Сторонники варварского происхождения философии описывают и то, какой вид она имела у каждого из народов.

...Халдеи занимались астрономией и предсказаниями... Египтяне в своей философии рассуждали о богах и о справедливости. Они утверждали, что началом всего является вещество, из него выделяются четыре стихии и в завершение являются всевозможные живые существа. Богами они считают солнце и луну, первое под именем Осириса, вторую под именем Исиды, а намеками на них служат жук, змей, коршун и другие животные...

...Философию философией [любомудрием], а себя философом [любомудром] впервые стал называть Пифагор, когда спорил в Сикионе с Леонтом, тираном Сикиона или Флиунта. ...мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы философию называть «мудростью», а упражняющегося в ней — «мудрецом», как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ [«любомудр»] — это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости. Мудрецы назывались также софистами [мудрователями], и не только мудрецы, но и поэты: так называет Гомера и Гесиода Кратин в «Архилохах», желая похвалить этих писателей.

Мудрецами почитались следующие мужи: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; к ним причисляют также Анахарсиса Скифского, Мисона Хенейского, Ферекида Сирроского, Эпименида Критского, а некоторые и тирана Писистрата. Вот кто были мудрецы.

Философия же имела два начала: одно — от Анаксимандра, а другое — от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор занимался ею главным образом в Италии. Ионийская философия завершается Клитомахом, Хрисиппом и Феофрастом, италийская же — Эпикуром.

А именно преемником Фалеса был Анаксимандр, за ним следовал Анаксимен, затем — Анаксагор, затем — Архелай, затем — Сократ, который ввел этику; за Сократом — сократики, и среди них Платон, основатель Старшей академии, за Платоном — Спевсипп и Ксенократ, затем Полемон, затем Крантор и Кратет, затем Аркесилай, с которого начинается Средняя акаде-

мия; затем Лакид, начинатель Новой академии, затем Карнеад, затем Кли-томах; вот как эта философия завершается Клитомахом. Хрисишпом же она завершается так: учеником Сократа был Антисфен, за ним следовал киник Диоген, затем Кратет Фиванский, затем Зенон Китайский, затем Клеанф, затем Хрисипп. А Феофрастом она завершается так: учеником Платона был Аристотель, а учеником Аристотеля — Феофраст. Вот каким образом завершается ионийская философия.

Италийская же философия такова: учеником Ферекида был Пифагор, за ним следовал сын его Телавг, затем Ксенофан, затем Парменид, затем Зенон Элейский, затем Левкипп, затем Демокрит, затем многие другие, в том числе Навсифан (и Навкид), а за ними — Эпикур.

Философы разделяются на догматиков и скептиков. Догматики — это все те, которые рассуждают о предметах, считая их постижимыми; скептики — это те, которые воздерживаются от суждений, считая предметы непостижимыми.

Некоторые философы оставили после себя сочинения, а некоторые совсем ничего не писали. Среди последних — Сократ, Сильпон, Филипп, Менедем, Пиррон, Феодор, Карнеад, Брисон, а по мнению иных, также и Пифагор и Аристон Хиосский (если не считать нескольких писем). По одному лишь сочинению оставили Мелисс, Парменид, Анаксагор. Много написал Зенон, еще больше Ксенофан, еще больше Демокрит, еще больше Аристотель, еще больше Эпикур, еще больше Хрисипп.

Некоторые философы получили наименование по городам, например элейцы, мегарики, эретрийцы и киренаики; некоторые — по местам занятий, например академики и стоики; некоторые — по особенностям занятий, например перипатетики-гуляющие; некоторые — в насмешку, например киники-собаки; некоторые — по предрасположению, например евдемоники — искатели счастья; некоторые — по образу мыслей, например филалеты-правдолюбцы, эленктики-опровергатели, аналогеты-сопоставители; некоторые — по именам своих наставников, например сократики, эпикурейцы и прочие.

Наконец, одни философы называются физиками, за изучение природы; другие — этиками, за рассуждение о нравах; третьи — диалектиками, за хитросплетение речей. Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо всем, что в нем содержится; этика — о жизни и о свойствах человека; диалектика же заботится о доводах и для физики, и для этики. До Архелая [включительно] существовал только один род — физика; от Сократа, как сказано выше, берет начало этика; от Зенона Элейского — диалектика...

И. КАНТ. Понятие философии вообще...¹

КАНТ Иммануил (1724–1804) — знаменитый немецкий философ, крупнейший представитель «немецкой классической философии». Родился и похоронен в Кенигсберге. Был профессором Кенигсбергского университета, иностранным почетным членом Петербургской Академии наук (1794). За свою преподавательскую карьеру И. Кант читал лекции по самому широкому кругу

¹ См.: *Кант И. Понятие философии вообще... // Логика : трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 331–334. URL: <http://www.twirpx.com/file/504611/>*

предметов, от математики до антропологии. Им были написаны *фундаментальные философские работы*, принесшие ученому репутацию одного из самых авторитетных мыслителей XVIII в.:

- «Критика чистого разума» (1781) — гносеология (эпистемология);
- «Критика практического разума» (1788) — этика;
- «Критика способности суждения» (1790) — эстетика.

Идеи Канта оказали огромное влияние на дальнейшее развитие мировой философской мысли. Со второй половины XIX в. значительное развитие получило такое философское течение, как «неокантианство». В XX в. серьезное влияние Канта признавали ведущие представители экзистенциализма, феноменологической школы, а также аналитической философии и философской антропологии.

Философия есть система философских знаний или рациональных знаний из понятий. Таково шкальное понятие этой науки. По мировому же понятию (*Weltbegriff*) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии достоинство, т.е. абсолютную ценность. И действительно, она есть то, что одно только и имеет внутреннюю ценность и впервые придает ценность всем другим знаниям.

Ведь всегда спрашивают в конце концов, чему служит философствование и его конечная цель — сама философия, рассматриваемая согласно школьному понятию?

В этом схоластическом значении слова философия имеет в виду лишь умение, в смысле же ее мирового понятия — полезность. В первом смысле она есть, следовательно, учение об умении; в последнем — учение о мудрости, законодательница разума, и постольку философ — не виртуоз ума, но законодатель.

Виртуоз ума или, как его называет Сократ, — филодокс, стремится только к спекулятивному знанию, не обращая внимания на то, насколько содействует это знание последним целям человеческого разума: он дает правила применения разума для всевозможных произвольных целей. Практический философ — наставник мудрости учением и делом — есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума.

К философии по школьному понятию относятся две вещи: во-первых, достаточный запас рациональных знаний; во-вторых, систематическая связь этих знаний, или соединение их в идею целого.

Философия не только допускает такую строго систематическую связь, но и является единственной наукой, которая имеет систематическую связь в собственном смысле и придает всем другим наукам систематическое единство.

Что же касается философии по мировому понятию (*in sensu cosmico*), то ее можно назвать также наукой о высшей максиме применения нашего разума, поскольку под максимумом разумеется внутренний принцип выбора между различными целями.

Ибо и в последнем значении философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство.

Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы:

Что я могу знать?

Что я должен делать?

На что я смею надеяться?

Что такое человек?

На первый вопрос отвечает метафизика, на второй — мораль, на третий — религия и на четвертый — антропология. Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему.

Итак, философ должен определить:

1) источники человеческого знания,

2) объем возможного и полезного применения всякого знания и, наконец,

3) границы разума.

Последнее есть нужнейшее, но также — пусть не огорчается филодокс — и труднейшее.

Философу требуются главным образом две вещи: 1) культура таланта и умения, чтобы применять их ко всевозможным целям; 2) навык в применении того или другого средства к каким-либо целям. То и другое должно соединяться, ибо без знаний никогда нельзя стать философом, но также и одни знания никогда не создают философов, если целесообразная связь всех знаний и навыков не образует единства и не возникает сознание соответствия этого единства высшим целям человеческого разума.

Вообще нельзя называть философом того, кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума.

Да и как, собственно, можно научиться философии? — Всякий философский мыслитель строит свое собственное здание (*Werk*), так сказать, на развалинах предыдущего, но и оно никогда не достигает такого состояния, чтобы стать прочным во всех своих частях. Поэтому философию нельзя изучать уже по той причине, что таковой еще не существует. Но если даже и предположить, что таковая действительно имеется, то все-таки ни один из тех, кто ее хотя и изучил, не мог бы сказать о себе, что он философ, потому что его знание философии всегда было бы лишь субъективно-историческим.

Иначе обстоит дело в математике. Эту науку вполне можно до известной степени изучить, ибо доказательства здесь столь очевидны, что каждый может в них убедиться; вместе с тем, в силу своей очевидности, она может, так сказать, сохраняться как надежное и прочное учение.

Напротив, кто хочет научиться философствовать, тот все системы философии должен рассматривать лишь как историю применения разума и как объект для упражнения своего философского таланта.

Следовательно, истинный философ как самостоятельный мыслитель должен применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски подражательно. Но он не должен также применять свой разум диалектически, направляя его лишь на то, чтобы сообщить знаниям видимость истины и мудрости. Последнее есть занятие одних софистов и совершенно несовместимо с достоинством философа как знатока и учителя мудрости.

Ибо наука имеет внутреннюю истинную ценность лишь как орган мудрости. Но в качестве такового она также необходима для мудрости, так что можно утверждать: мудрость без науки есть лишь тень совершенства, которого нам никогда не достичь.

Ненавидящего науку ради любви к одной мудрости называют мисологом. Мисология обыкновенно возникает при отсутствии научных знаний и непременно связанного с этим своего рода тщеславия. Иногда же в ошибку мисологии впадают и те, которые сначала с большим прилежанием и успехом отдавались наукам, но в конце концов во всех ее знаниях не нашли никакого удовлетворения.

Философия есть единственная наука, которая способна дать нам это внутреннее удовлетворение, ибо она как бы замыкает научный круг, и благодаря ей науки впервые только и получают порядок и связь.

Итак, для навыка к самостоятельному мышлению или философствованию нам следует обратить внимание больше на методы нашего применения разума, чем на сами положения, к которым мы пришли с помощью этих методов.

К. ЯСПЕРС. Что такое философия?¹

ЯСПЕРС Карл (1883–1969) — крупнейший немецкий философ и психиатр XX в., один из главных представителей экзистенциализма и первых теоретиков в области глобалистики. Академическая карьера Ясперса начиналась в области психологии, также он изучал право и медицину, но с 1920-х гг. его профессиональный интерес сместился в сторону философии. Он много занимался также историей и теорией познания. Работал в психиатрической клинике Гейдельберга (1908–1915), был профессором философии в Гейдельбергском (1922–1937) и Базельском (1948–1961) университетах. При нацизме был отстранен от преподавательской деятельности (1937–1945). В 1937 г., не желая сотрудничать с нацистами, Ясперс лишился звания профессора и до конца Второй мировой войны находился под постоянной угрозой ареста. В послевоенный период философ занимал активную общественную и политическую позицию и получил большую популярность в кругах немецкой либеральной интеллигенции. В философию истории Ясперс ввел понятие «осевое время», которое было употреблено им для обозначения «решительных поворотов в потоке событий» и относилось к вполне определенному периоду времени. Оно характеризовало мировую историю между 800 и 200 гг. до н.э., когда практически одновременно в трех различных, практически не связанных друг с другом регионах планеты — в Европе, Индии и Китае — назрели и произошли кардинальные перемены «в области духовных основ человечества». По существу Ясперс говорил о «взрыве человеческого духа», когда зарождается понимание всеобщности. Философ называл время, когда это происходит, «осевым», поворотным от одного качественного состояния общества к другому. В середине XX в. Ясперс задался вопросами о «глобальном мире», «глобальном единении», «едином человечестве», «единой судьбе», о «замыкании мира», поразительно предугадав динамику перемен послевоенного мира на пути его глобализации. Работы Ясперса оказали значительное влияние на такие области философского знания, как эпистемология, философия религии и философия политики.

«Психология мировоззрений» (1919) считается первой публикацией по философии экзистенциализма в Германии. Автор понятия «пограничная ситуация» и теории «осевого времени» в истории.

Основные труды: «Философия : в 3 т.» (1932); «Об истине» (1947); «О происхождении и цели истории» (1949).

¹ *Ясперс К.* Введение в философию. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/vvedfil.php

Что такое философия и чем она ценна? Это является предметом многочисленных споров. От философии ждут каких-то необыкновенных разъяснений или же равнодушно игнорируют ее как беспредметное мышление. Перед ней робеют, как перед выдающимся достижением каких-то совершенно уникальных людей, или презирают, как бесполезные раздумья мечтателей. Ее считают чем-то таким, что касается каждого и поэтому в основе своей должно быть простым и понятным, или чем-то столь трудным, что заниматься ею представляется совершенно безнадежным делом. Таким образом, то, что выступает под именем философии, становится поводом для самых противоположных суждений.

Для человека, который верит в науку, наихудшим является то, что у философии нет общепринятых результатов, нет того, что можно было бы знать со всей определенностью и чем можно было бы владеть. В то время как науки, бесспорно, достигли в своих областях достоверного и общепризнанного знания, философия не добилась этого, несмотря на тысячелетние усилия. Нельзя отрицать: в философии не бывает того единодушия, которое устанавливается по поводу всего окончательно познанного. То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого.

В отличие от наук для философского мышления не характерен прогресс. Мы, определенно, существенно продвинулись по сравнению с древнегреческим врачом Гиппократом. Но едва ли мы можем сказать, что продвинулись дальше Платона. Только в материале научного познания, которым он пользовался, мы находимся дальше. В самом же философствовании мы, возможно, еще вряд ли достигли его.

То, что ни одна форма философии в отличие от наук не находит всеобщего, единодушного признания, должно корениться в природе самого предмета философии. Род достоверности (*Gewiheit*), который в ней привлекает, не будучи научным, то есть одинаковым для каждого ума, является некоторым убеждением, или удостоверенностью (*Vergewisserung*), в достижении которой участвует все существо человека.

В то время как научные исследования ведутся по отдельным предметам, знать о которых каждому совершенно не обязательно, философия имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку, а также с истиной, которая там, где она вспыхивает, захватывает глубже, чем любое научное познание.

Хотя разработанная философия и связана с науками — она предполагает науки в том состоянии развития, которого они достигли в определенную эпоху, — однако свой смысл получает из другого источника. До всякой науки она появляется там, где пробуждается человек.

Такая философия без науки предстает перед нами в нескольких примечательных проявлениях.

Первое: почти каждый считает себя способным обсуждать философские вопросы. В то время как в сфере наук признают, что условием их понимания являются обучение, подготовка, метод, по отношению к философии претендуют на то, чтобы приобщаться к ней безо всяких условий, полагая, что каждый в состоянии принять участие в обсуждении философских

проблем. Собственное бытие человека, собственная судьба и собственный опыт считаются для этого достаточным основанием.

Следует признать, что философия должна быть доступна для каждого человека. Самые обстоятельные пути философий, которыми идут философы-профессионалы, обретают свой смысл все-таки только тогда, когда они выходят к человеческому бытию, которое находит свое определение в процессе обретения уверенности относительно бытия и своего места в нем.

Второе: философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно.

Удивительным знаком того, что человек как таковой изначально философствует, являются вопросы детей. Часто из детских уст можно услышать то, что по своему смыслу уходит непосредственно в глубь философствования. Приведу некоторые примеры:

Ребенок удивляется: «Я всегда пытаюсь подумать, что я — кто-то другой, однако же всегда снова оказывается, что я есть я». Этот мальчик затрагивает исток всякой уверенности, сознание бытия в самосознании. Он поражается загадке бытия Я (Ichsein), тому, что не может быть постигнуто ни из чего другого. Он вопрошающе стоит перед этой границей.

Другой ребенок слушает историю сотворения мира: «Вначале сотворил Бог небо и землю...» и тотчас спрашивает: «Что же было до начала?» Этот мальчик постиг, что можно спрашивать до бесконечности, что разум не может остановиться, в том смысле что для него не может быть никакого окончательного ответа.

Девочке, увидевшей во время прогулки дикий луг, рассказывают сказку об эльфах, которые по ночам водят свои хороводы... «Но их же ведь не бывает...» Ей рассказывают о реальных вещах, наблюдая движение солнца, проясняют вопрос о том, солнце ли движется или же земля вращается, приводят основания, которые говорят в пользу шарообразности земли и ее вращения вокруг самой себя... «Но это же неправда, — говорит девочка и топает ногой о землю, — земля ведь крепко стоит. Я верю только тому, что вижу». В ответ на это: «Тогда ты не веришь и в Бога, ведь его ты тоже не можешь видеть», — девочка настораживается и говорит решительно: «Если бы его не было, тогда бы ведь и нас здесь не было». Этот ребенок охвачен удивлением перед существованием (Dasein): оно есть благодаря чему-то другому, не само по себе. И он постигает различие в самих вопросах: нацелены ли они на какой-то предмет в мире или же на бытие и наше существование в целом.

Другая девочка, направляясь в гости, поднимается по ступенькам лестницы. Для нее становится очевидным, как все непрестанно меняется, протекает, проходит, как будто бы ничего и не бывало. «Однако должно же ведь быть нечто неизблемое... то, что я здесь и теперь поднимаюсь по лестнице к тете, я хочу, чтобы это осталось». В изумлении и испуге перед преходящим характером и мимолетностью всего она беспомощно ищет выход.

Если бы кто-то собирал подобные примеры, то смог бы составить богатую энциклопедию детской философии. Возражение, что дети слышали это прежде от родителей или кого-то другого, не должно, по всей видимости, приниматься всерьез. Возражение, что эти дети все-таки не философствуют дальше и что, следовательно, подобные высказывания могли быть случайными, упускает из виду следующий факт: дети зачастую обладают гениальностью, которая с возрастом утрачивается. С годами, теряя дет-

скую непосредственность, мы как бы входим в тюрьму соглашений и мнений, скрываемся под различного рода прикрытиями, оказываемся в плену у того, о чем не решаемся спросить. Состояние ребенка — это состояние порождающей себя жизни: он еще открыт, он чувствует и видит и спрашивает о том, что вскоре исчезнет перед ним. Он не удерживает то, что открывается ему в то или иное мгновение, и удивляется, когда позднее все замечают взрослые докладывают ему о том, что он сказал или спросил.

Третье: изначальное философствование обнаруживается как у детей, так и душевнобольных. Иногда — очень редко — путы общей зашоренности как бы развязываются и начинает говорить захватывающая истина. В начальный период некоторых душевных болезней имеют место совершенно потрясающие метафизические откровения, которые, правда, по форме и речевому выражению являются всегда настолько шокирующими, что их оглашение не может иметь какого-либо объективного значения, за исключением таких редких случаев, как поэт Гёльдерлин или художник Ван-Гог. Однако тот, кто присутствует при этом, не может избежать впечатления, что здесь разрывается покров, под которым обыкновенно проходит наша жизнь. Некоторым обычным, здоровым, людям также знаком опыт переживания глубоко тревожащих значений, которые свойственны переходному состоянию от сна к пробуждению и при полном пробуждении снова утрачиваются, оставляя лишь ощущение того, что нам к ним более не пробиться. Есть глубокий смысл в утверждении, что устами детей и блаженных глаголет истина. Однако творческая изначальность, которой мы обязаны великим философским мыслям, лежит все-таки не здесь. Она восходит к тем немногим, которые в своей непринужденности и независимости предстают перед нами в качестве выдающихся мыслителей последних тысячелетий.

Четвертое: поскольку философия для человека необходима, она каждый раз присутствует в общественном мнении, в передаваемых из поколения в поколение пословицах, в общеупотребительных философских оборотах речи, в господствующих убеждениях, а также в языке просвещения, политических кредо, но прежде всего и с самого начала истории — в мифе. От философии невозможно уйти. Вопрос лишь в том, осознается она или нет, будет ли она хорошей или плохой, запутанной или ясной. Тот, кто отвергает философию, сам практикует ее, не отдавая себе в этом отчета.

Что же такое философия, если она оказывается столь универсальной и проявляется в таких примечательных формах?

Греческое слово философ (*philosophos*) по своему значению противоположно слову *Sophos*. Это слово, *philosophos*, значит: любящий познание (знание) — в отличие от того, кто, овладев познанием, называет себя знающим. Такой смысл слова сохраняется до сих пор: поиск истины, а не владение истиной есть сущность философии, — пусть даже она по-прежнему зачастую изменяет этому своему смыслу догматизмом, подразумевающим выраженное в положениях окончательное, завершённое и имеющее дидактический характер знание. Философия означает — быть в пути. Ее вопросы существеннее, чем ее ответы, и каждый ответ превращается в новый вопрос.

Однако это «бытие-в-пути» — как судьба человека, существующего во времени, — несет в себе возможность глубокого удовлетворения, обретаемого в мгновения особых свершений. Его не найти в высказанном знании, в научных положениях и принципах, — оно лежит в историческом осуществлении человеческого бытия, которому раскрывается само бытие. Добиться

этого в ситуации, в которой находится человек, и является смыслом философствования.

Быть в поиске, в пути, или обрести покой и совершенство мгновения — это не определения философии. Философия не имеет ничего вышестоящего, ничего нижестоящего. Она не может быть выведена из чего-то другого. Всякая философия определяется посредством своего осуществления. Чтобы узнать, что такое философия, надо пытаться философствовать. В таком случае философия — это одновременно исполнение живого мышления и осознание соответствующих мыслей (рефлексия) или действие и разговор о нем. Только исходя из собственного опыта и возможно понять, что же встречается нам в мире в качестве философии.

Можно было бы и дальше обсуждать формулировки смысла философии. Однако ни одна формулировка не исчерпывает этого смысла, ни одна не оказывается единственно возможной. Мы слышим с древних времен: философия (согласно ее предмету) — это познание божественных и человеческих вещей, познание сущего как сущего, и далее, философия (согласно ее цели) — это упражнение в смерти, это стремление мысли к блаженству, к тому, чтобы уподобиться божественному, это наконец (согласно ее всеобъемлющему смыслу) — знание всех знаний, искусство всех искусств, наука вообще, которая не направлена на какую-то отдельную область.

Сегодня, пожалуй, можно говорить о философии в следующих формулировках — ее смысл в том, чтобы:

- увидеть действительность в самом ее истоке;
- постигать действительность таким же способом, каким я, мысля, имею дело с самим собой во внутреннем действии;
- открывать нас для широты Объемлющего (Umgreifende);
- осмелиться на коммуникацию между человеком и человеком, опираясь на всякий смысл истины, который возникает в любящей борьбе (liebendem Kampfe);
- непрестанно и терпеливо сохранять разум бодрствующим, находясь перед лицом того, что наиболее чуждо разуму и противится ему.

Философия — это то, что концентрирует человека, благодаря чему он становится самим собой, становясь причастным самой действительности.

Хотя философия в форме простых и действенных мыслей может затронуть каждого человека и даже ребенка, ее сознательная разработка является никогда не завершимой и всякий раз возобновляющейся задачей, которая осуществляется всегда в настоящем как единое целое. Она возникает в работах великих философов и, как эхо, повторяется у менее значительных. Осознание этой задачи в той или иной форме не угаснет до тех пор, пока люди останутся людьми.

Не только сегодня философия подвергается радикальным нападкам и отрицается в целом как излишняя и вредная. Для чего же она существует? Она ведь не является предметом первой необходимости.

Образ мышления, основывавшийся на авторитете церкви, отвергал философию потому, что она, с его точки зрения, отдаляет от Бога, соблазняет мирским, вредит душе, обращая ее к ничтожным вещам. Политический тоталитарный способ мышления предъявлял философии следующий упрек: философы только по-разному объясняли мир, тогда как надо его изменять. Оба образа мышления считали философию опасной, так как она нарушает порядок, взывает к духу независимости, а с ним — к возражению и протесту.

сту, она обманывает человека и отвлекает его от реальных задач. Притягательная сила потустороннего мира, озаренного явленным Богом, или притягающая на всемогущество власть безбожного посюстороннего мира — и та и другая — хотели бы, чтобы философия прекратила свое существование.

К тому же с точки зрения повседневного здравого смысла на философию не распространяется масштаб простой полезности. Фалес, который считается самым ранним греческим философом, однажды был осмеян служанкой, увидевшей, как он, наблюдая за звездным небом, упал в колодец. Зачем он ищет самое далекое, когда в самом близком так неловок!

Итак, философия должна оправдываться. Но это невозможно. Она не может искать себе оправдания в чем-то другом: чем-то, для чего она была бы пригодна и вследствие этого имела бы право на существование. Она может только обращаться к силам, которые в каждом человеке действительно настоятельно требуют философствования. Она знает, что занимается делом человека как такового, делом, которое не связано с какой-то определенной целью и избавлено от любого вопроса о пользе и вреде в этом мире, и что она будет осуществляться до тех пор, пока живут люди. Силы, которые являются враждебными по отношению к философии, тоже не могут не думать о своем собственном смысле, не могут не порождать имеющий определенную цель образ мыслей, — эти силы являются заменой философии, однако предполагают в качестве необходимого условия активное вмешательство в действительность, как, например, марксизм и фашизм. Подобный образ мыслей также еще раз показывает необходимость философии для человека. Философия в той или иной форме всегда присутствует в жизни человека.

Она не может бороться, не может доказывать себя, но она может сообщать себя. Она не оказывает сопротивления там, где ее отвергают, она не торжествует там, где к ней прислушиваются. Она живет в согласии, которое в пределах человечества, по сути дела, может связать всех со всеми.

Философия в широко развитых формах и систематической связности уже два с половиной тысячелетия существует в Европе, Китае и Индии. Великая традиция обращается к нам. Многообразие типов философствования, противоречия и взаимоисключающие претензии на истину не могут воспрепятствовать тому, что, по существу, в основании всего действует что-то одно, чем никто не владеет и вокруг чего во все времена вращаются все серьезные усилия: вечная философия, *philosophia perennis*.

Мы должны непременно опираться на это историческое основание нашего мышления, если хотим мыслить с ясным сознанием и по существу.

М. ХАЙДЕГГЕР. Что это такое — философия?¹

ХАЙДЕГГЕР Мартин (1889—1976) — крупнейший немецкий философ, оказавший серьезное влияние на европейскую философскую мысль XX в. Был учеником Гуссерля. Преподавал в Марбурге, Фрейбурге. Основал антисциентистскую версию лингвистического поворота. Разрабатывал тему смысла, сущности и «забвения» бытия. Ввел понятие «технонауки». Оказал влияние на многих философов и мыслителей.

¹ *Хайдеггер М.* Что это такое — философия? (сокр. текст) // Вопросы философии. 1993. № 8. URL: <http://rshchekotova.narod.ru/simple76767.html>

Будучи представителем экзистенциализма, Хайдеггер внес значительный вклад в развитие феноменологии. Его философские взгляды были связаны в наибольшей степени с формами повседневного существования, или, по его словам, со способами «бытия в мире». Работы Хайдеггера посвящены преимущественно проблемам классической и современной философии. Он исследовал смысл бытия, описывал формы, в которых бытие себя являет, а также проследил исторические и философские корни понятия бытия и их влияние на современную «технологическую» интерпретацию природы.

Основные труды: «Бытие и время» (1927); «Кант и проблема метафизики» (1929); «Введение в метафизику» (1935); «Письмо о «гуманизме» (1947).

Спрашивая: что это такое — философия? — мы говорим о философии. Таким образом, мы явно пребываем над философией, т.е. вовне. Однако цель нашего вопроса — войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею, т.е. «философствовать». Ход нашей беседы поэтому не просто должен иметь ясное направление, но ее направление должно одновременно гарантировать, что мы движемся внутри философии, а не вне ее и не вокруг.

Наш разговор, следовательно, должен идти по такому пути и в таком направлении, чтобы то, о чем говорит философия, относилось к нам самим, задевало нас, причем именно в нашей сути.

Но не станет ли тогда философия делом склонностей, эмоций и чувств? А что такое — разум? Где и кем было решено, что такое разум?

Требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему «что это такое — философия?»

Путь, на который я хотел бы теперь указать, лежит непосредственно перед нами. Таким образом, греческое слово «философия» есть путь, по которому мы идем. ...Сама сущность философии коренится в том, что она завладела сначала греческим миром, и только им, чтобы развернуть себя в нем.

Положение «философия по своей сути является греческой» означает одно: Запад и Европа, и только они, в глубинном ходе своей истории изначально «философичны». Об этом свидетельствует возникновение и господство наук. И поскольку науки происходят из глубин западноевропейского — т.е. философского — течения истории, сегодня они в состоянии наложить своеобразную печать на историю человечества по всей земле. Наук никогда не было бы, если бы им не предшествовала, не опережала их философия. ...Греческое слово влетает наш разговор в историческую традицию.

Слово «философия» как бы стоит на свидетельстве о рождении нашей собственной истории, можно даже сказать, на свидетельстве о рождении современной эпохи мировой истории, которая называется атомным веком. Поэтому вопрос «что это такое — философия?» мы можем задавать, только если вступаем в разговор с мышлением греческого мира.

Однако греческое происхождение имеет не только то, что стоит под вопросом — философия, но также и тот способ, каким мы спрашиваем; тот способ, каким мы спрашиваем еще и сегодня, является греческим.

Мы спрашиваем: что есть это..? ...Но вопрос «что есть нечто?» остается все-таки многозначным. Мы можем спросить: что это там вдали? И получим ответ: дерево. Ответ заключается в том, что некоей вещи, точно нами не распознанной, мы даем имя. И все же можно спросить далее: что есть то, что

мы называем деревом? Это та форма вопрошания, которую развили Сократ, Платон и Аристотель. Они спрашивают, например: что такое прекрасное? что такое познание? природа? движение? Спрашивая о философии — «что это?», мы всегда задаем изначально греческий вопрос. Когда мы вникаем в полный и изначальный смысл вопроса «что это такое — философия?», наше вопрошание, через свой исторический исток, обретает направление исторического будущего. Мы нашли путь. Сам вопрос и есть путь. Он ведет из греческого мира к нам, если не далее, через нас. Мы идем — если твердо держимся вопроса — по четко направленному пути. Однако у нас еще нет гарантии, что мы в состоянии сразу правильно следовать этому пути. Мы даже не можем определить, в каком месте пути стоим сегодня.

Вопрос о том, что есть нечто, обыкновенно характеризуют как вопрос о сущности. Он просыпается, тогда когда то, о сущности чего спрашивается затемнилось и запуталось и, одновременно с этим, отношение человека к спрашиваемому стало нетвердым, когда оно поколеблено, даже подорвано.

Наш вопрос касается сущности философии. Если он возникает из некоторой потребности и не должен остаться лишь мнимым вопросом, заданным для поддержания разговора, то под вопросом должна оказаться философия в качестве философии. «Все» подразумевает здесь: целое, все сущее.

Бытие есть сущее. При этом «есть» является переходным глаголом и означает «собранное». Бытие собирает сущее как сущее. Бытие есть соби- рание — Логос. Все сущее есть в Бытии. Для нашего слуха это звучит тривиально, если даже не обидно. Ведь о том, что сущее принадлежит Бытию, никому не надо заботиться. Весь мир знает: сущее таково, что оно есть. Что еще остается сущему, как не быть? И все же именно то, что сущее пребывает собранным в Бытии, что сущее появляется в свете Бытия, изумило греков, прежде всего их, и только их. Сущее в Бытии, — это стало для греков самым удивительным.

Между тем даже грекам пришлось спасать удивительность этого удивительнейшего и защищать его от хватки софистического разума, который для всего имел наготове одно доходчивое объяснение и поставлял его на рынок. Спасти удивительнейшее — сущее в Бытии — удалось благодаря тому, что некоторые люди отправились в путь по направлению к этому удивительнейшему, т.е. мудрости. Что следует из всего сказанного для нашей попытки обсудить вопрос «что это такое — философия?» Прежде всего одно: мы не должны придерживаться единственно лишь определения Аристотеля. Из этого заключаем другое: надо иметь представление и о более ранних и позднейших определениях философии.

А затем? Затем, с помощью сравнительной абстракции, мы выявим общее во всех определениях.

А затем? Затем окажемся предельно далеки от ответа на наш вопрос. Почему все пришло к этому? Потому что, следуя только что упомянутому методу, мы чисто исторически собираем имеющиеся определения и растворяем их в некоей общей формуле. Все это при наличии большой эрудиции и правильных установок действительно можно выполнить. При этом нам совсем не надо входить в философию, размышлять о ее сущности. Мы приобретаем таким образом разносторонние, основательные и даже полезные познания о том, какие представления складывались о философии в ходе ее истории.

Но по этому пути мы никогда не дойдем до подлинного, т.е. достоверного ответа на вопрос «что это такое — философия?»

Когда ответ на вопрос «что это такое — философия?» является философствующим? Когда мы философствуем? Лишь тогда, очевидно, когда вступаем в разговор с философами.

Это предполагает, что мы говорим с ними о том, что они обсуждают. Это проговаривание друг с другом того, к чему, собственно, все снова и снова как к одному и тому же обращаются философы, есть речь, в смысле диалектика, речь как диалог. Обязательно ли диалог является некоей диалектикой и когда, — это мы оставляем открытым.

Одно дело констатировать и описывать мнения философов, и совсем другое — говорить с ними о том, что они традиционно обсуждают, о чем они повествуют. Ответ на вопрос «что такое философия?» состоит в нашем соответствии тому, к чему философия держит путь. А это есть Бытие сущего.

Мы находим ответ на наш вопрос о философии не в почерпнутых из истории определениях философии, а в разговоре с тем, что было передано нам традицией как Бытие сущего.

...(Деструкция означает не разрушение, а упразднение, разбор, отстранение накопившихся в истории высказываний об истории философии.

Деструкция означает: раскрыть свои уши, освободить слух для того, что говорит нам в традиции как Бытие сущего).

Философия есть самостоятельно выполняемое соответствие, которое говорит, поскольку внимает зову Бытия сущего. Это соответствие прислушивается к голосу Бытия. То, что взывает к нам как голос Бытия, располагает наше соответствие.

«Соответствие» означает, следовательно: быть расположенным, «*tre dispos*», и именно Бытием сущего. «*Dis-pos*» означает здесь буквально следующее: расположенное порознь, проясненное и тем самым оставленное в отношении к тому, что есть. Сущее как таковое располагает речь таким образом, что она настраивается (*accorder*) на Бытие сущего. Соответствие является настроенным обязательно и всегда, а не лишь иногда и случайно. Оно есть некая настроенность. И только на основе настроенности (*disposition*) повествование соответствия получает свою точность, свою рас-положенность.

Но указание на сущностную настроенность соответствия не является неким современным изобретением. Уже греческие мыслители, Платон и Аристотель, заметили, что философия и философствование принадлежат тому измерению человека, которое мы называем настроением (в смысле на-строенности и рас-положенности).

Платон говорит (Теэтет 155d): «Для философа чрезвычайно характерно именно удивление, это исток (философии) например, мытье рук хирурга предшествует операции». Удивление ведет философию и повсеместно господствует в ней.

То же самое говорит Аристотель (Met. A2, 982 b 12 sq): «Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования» (того, откуда исходит философствование и что определяет весь ход философствования).

Было бы слишком поверхностно, преждевременно и не по-гречески думать, будто Платон и Аристотель утверждают здесь лишь то, что удивление есть причина философствования. Если бы они придерживались такого мнения, это означало бы следующее: некогда люди удивились именно сущему, тому, что оно есть и что оно есть. Под влиянием удивления начали они философствовать. Едва лишь философия пришла в движение, удивление, как импульс, стало излишним и поэтому исчезло. — Оно могло бы исчезнуть, будь оно лишь толчком. Но — удивление есть ... страсть, волнение чувств.

...Удивление является тем настроем, в каком греческим философам было дано соответствие Бытию сущего.

Совершенно иного рода тот настрой, который побудил мышление по-новому поставить традиционный вопрос о сущем как сущем и тем самым начать новую эпоху философии. Декарт в «Размышлениях» спрашивал: ...каково то сущее, которое есть истинно сущее в смысле *ens certum*. Между тем для Декарта сущность *certitudo* изменилась. ...Сомнение становится для него тем настроем, в котором вибрирует настроенность на *ens certum*, достоверно сущее.

...Благодаря этому выделяется *sub-jectum* как Эго и человеческая сущность впервые вступает в область объективности в смысле эгоцентризма. Из настроенности на это *certitudo* речь Декарта получает определенность некоторого ясного и отчетливого восприятия. Настрой сомнения становится положительным согласием с достоверностью. Отныне достоверность становится мерозадающей формой истины.

В чем же заключается завершение философии Нового времени, если вообще можно говорить об этом? Не определен ли этот конец через некоторый другой настрой? Где должны мы искать завершение философии Нового времени? Уже в философии Гегеля или же в философии позднего Шеллинга? И как быть с Марксом и Ницше? Выходят ли они из колеи философии Нового времени? Если нет, то как можно определить их местоположение?

Казалось бы, мы ставим лишь исторические вопросы. На самом же деле мы размышляем о будущей сущности философии. Мы пытаемся вслушаться в голос бытия. В какой настрой приводит он сегодняшнее мышление? На этот вопрос едва ли можно ответить однозначно.

Вероятно, какой-то основной настрой сегодня господствует. Однако пока он остается для нас сокрытым. Это следует считать признаком того, что сегодняшнее мышление еще не нашло своего единственного пути. Мы наблюдаем лишь разного рода настрои мышления. Сомнение и отчаяние, с одной стороны, и слепая одержимость непроверенными принципами, с другой, противостоят друг другу. Опасение и страх перемешаны с надеждой и уверенностью. Зачастую мы думаем, что мышление, имеющее характер рассуждающего представления и исчисления, совершенно свободно от всякого настроения. Но и холодность расчета, и прозаическая трезвость плана суть приметы некоей настроенности. И не только; даже разум, стремящийся быть свободным от всякого влияния страстей, настроен, будучи разумом, на уверенность в логико-математической постижимости своих принципов и правил.

Именно принятое на себя и проводимое нами соответствие, которое отвечает на зов Бытия сущего, и есть философия.

Мы узнаем и знаем, что такое философия, лишь когда испытываем как, каким образом философия существует. Она существует в мелодии соответствия, настраивающейся на голос Бытия сущего.

Это соответствие есть некая речь. Она состоит на службе у языка. Что это означает, сегодня понять трудно, ибо наше привычное представление о языке претерпело странное превращение. В результате язык стал инструментом выражения. Вследствие этого считается более правильным говорить: язык состоит на службе у мышления, вместо: мышление, как соответствие, состоит на службе у языка.

Потому, что без достаточного осмысления языка мы никогда по-настоящему не узнаем, что такое философия в качестве указанного соответствия, что такое философия как особая манера повествования.

Однако мне хотелось бы привести присутствующих к собранности, в которой к нам обращается то, что мы называем Бытием сущего. Называя это, мы думаем о том, что сказал уже Аристотель: «Сущее-Бытие выходит к свету многими путями».

Ж. ДЕЛЁЗ, Ф. ГВАТТАРИ. Что такое философия?

Философ *ДЕЛЁЗ Жиль* (1925–1995) и психоаналитик *ГВАТТАРИ Феликс* (1930–1992) — выдающиеся французские мыслители, авторы совместной книги «*Что такое философия?*», переведенной на многие языки и получившей широкую известность. Книга посвящена одной из наиболее актуальных и часто обсуждаемых в философии тем, касающейся природы, философского творчества аналитического мышления и природы философского знания.

ВВЕДЕНИЕ. Такой вот вопрос...¹ Пожалуй, вопросом «что такое философия» можно задаваться лишь в позднюю пору, когда наступает старость, а с нею и время говорить конкретно. Действительно, библиография по нашей проблеме весьма скудна. Это такой вопрос, который задают, скрывая беспокойство, ближе к полуночи, когда больше спрашивать уже не о чем. Его ставили и раньше, все время, но слишком уж косвенно или уклончиво, слишком искусственно, слишком абстрактно, излагая этот вопрос походя и свысока, не давая ему слишком глубоко себя зацепить. Недоставало трезвости. Слишком хотелось заниматься философией, а о том, что же это такое, спрашивали себя разве что упражняясь в изящном слоге; не доходили до той неизящности слога, когда наконец можно спросить — так что же это за штука, которой я занимался всю жизнь? Бывает, что в старости человеку даруется не вечная молодость, но, напротив, высшая свобода, момент чистой необходимости, словно миг благодати между жизнью и смертью, и тогда все части машины действуют согласно,

¹ *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Введение. Такой вот вопрос... // *Что такое философия?* / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. С. 10–22 (серия «Gallicinium»). URL: <http://philosophy.ru/library/deleuze/filosof.html>

чтобы запустить в грядущее стрелу, которая пролетит сквозь столетия; так было с Тицианом, Тёрнером, Моне¹. Тёрнер в старости приобрел или же завоевал себе право вести искусство живописи путем пустынным и без возврата, и то было не что иное, как последний вопрос. «Жизнь Рансе», пожалуй, знаменует собой одновременно старость Шатобриана и начало современной литературы². В кино мы тоже порой видим, как человек получает щедрый дар в последнюю пору жизни, — когда, например, сам Ивенс хохочет со своей ведьмой среди буйных порывов ветра. Так и в философии: кантовская «Критика способности суждения» — произведение старчески буйное, и его наследники вечно за ним не поспевают: здесь все способности ума выходят за свои пределы, за те самые пределы, которые Кант столь тщательно фиксировал в своих книгах зрелой поры.

Мы не можем притязать на такой уровень. Просто нам тоже пришло время задаться вопросом, что такое философия. Мы и раньше все время его ставили, и у нас был на него неизменный ответ: философия — это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты. Но ответ должен не просто вбирать в себя вопрос — нужно, чтобы им еще и определялись момент и ситуация вопроса, его обстоятельства, пейзажи и персонажи, его условия и неизвестные величины. Нужно суметь задать этот вопрос «по-дружески», словно доверительное признание, или же бросить его в лицо врагу, словно вызов, а притом еще и дойти до некоей сумрачной поры, когда и другу не очень-то веришь. До той поры, когда говоришь: «Это так, только не знаю, хорошо ли я это высказал, довольно ли был убедителен». И тут замечаешь, что немного значит хорошо высказать и кого-то убедить, потому что в любом случае сейчас-то это так.

Как мы увидим, концепты нуждаются в концептуальных персонажах, которые способствуют их определению. Одним из таких персонажей является *друг*; говорят даже, что в нем сказывается греческое происхождение философии — в других цивилизациях были Мудрецы, а греки являют нам таких вот «друзей», которые не просто более скромные мудрецы. Как утверждают, именно греки окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его философиями, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не обладают³. Однако между философом и мудрецом различие не просто в сте-пени, словно по некоторой шкале: скорее дело в том, что древний восточный мудрец мыслит Фигурами, философ же изобрел Концепты и начал мыслить ими. Вся мудрость сильно изменилась. Потому так трудно выяснять, что же значит «друг», даже у греков и особенно у них. Быть может, словом «друг» обозначается некая интимность мастерства, как бы вкус мастера к материалу и потенциальная зависимость от него, как у столяра с деревом, — хороший столяр потенциально зависит от дерева, значит, он друг дерева? Это важный вопрос, поскольку в философии под «другом» понимается уже не внешний персонаж, пример или же эмпирическое обстоятельство, но нечто внутренне присутствующее в мысли, усло-

¹ Ср.: *L'œuvre ultime, de Cézanne a Dubuffet*, Fondation Maeght, предисловие Жана-Луи Пра.

² Barbéris, Chateaubriand, Ed. Larousse: «Рансе» — это книга о старости как недостижимой ценности, книга против старости, против ее власти; это книга о крушении целого мира, в которой утверждается одна лишь власть письма».

³ Kojève, «Tyrannie et sagesse», p. 235 (in Léo Strauss, *De la tyrannie*, Gallimard).

вие самой ее возможности, живая категория, элемент трансцендентального опыта. Благодаря философии греки решительно изменили положение друга, который оказался соотнесен уже не с иным человеком, а с неким Существом, Объектностью, Целостностью. Он друг Платону, но еще более друг мудрости, истине или концепту, он Филалет и Теофил... Философ разбирается в концептах и даже при их нехватке знает, какие из них нежизнеспособны, произвольны или неконсистентны, не способны продержаться и минуты, а какие, напротив, сделаны добротой и даже несут в себе память о тревогах и опасностях творчества.

Что же значит «друг», когда он становится концептуальным персонажем, то есть предпосылкой мышления? Может, это влюбленный — да, пожалуй, скорее влюбленный? Ведь благодаря другу мысль вновь обретает жизненную связь с Другим, которая, казалось, исключена из чистого мышления. А может, здесь имеется в виду еще кто-то иной, не друг и не влюбленный? Ведь если философ — это друг мудрости или же влюбленный в нее, значит, он претендует на нее, будучи скорее в потенциальном стремлении, чем в действительном обладании. Тогда, стало быть, друг — это еще и претендент, а то, чьим другом он себя называет, — это Вещь, на которую обращено притязание, а вовсе не кто-то третий; тот-то, напротив, становится соперником. Получается, что в дружестве столько же состязательного недоверия к сопернику, сколько любовного стремления к предмету желаний. Стоит дружеству обратиться к сущностям, как двое друзей оказываются претендентом и соперником (впрочем, кто же их разберет?). Такова первая особенность, благодаря которой философия представляется нам явлением древнегреческой цивилизации, совпадающим с культурным вкладом городов-полисов: в них сформировались общества друзей или равных, но зато между ними и внутри каждого из них стимулировались отношения соперничества, во всех областях сталкивались друг с другом претенденты — в любви, играх, судах, в государственном управлении, в политике, даже в поэзии, чьей предпосылкой оказывается не друг, а претендент и соперник (диалектика, которую Платон характеризует как «амфисбетесис»). Соперничество свободных людей, атлетизм, возведенный в общий принцип — агон¹. Дружество же призвано примирять целостность сущности с соперничеством претендентов. Не слишком ли тяжелая задача?

Друг, влюбленный, претендент, соперник — это трансцендентальные характеристики, которые, однако, не теряют своего интенсивно-одушевленного существования в лице одного или нескольких персонажей. И когда в наши дни Морис Бланшо — один из немногих мыслителей, рассматривающих смысл слова «друг» в философии, — вновь задается этим внутренним вопросом о предпосылках мысли как таковой, то при этом он вводит в лоно чистой Мыслимости новых концептуальных персонажей — уже отнюдь не греческих, пришедших из других мест, переживших словно некую катастрофу, которая влечет их к новым жизненным отношениям, возводимым в ранг априорных характеров: это уклончивость, утомленность, дружеская скорбь, превращающая самое дружество в мысль о концепте как бесконеч-

¹ См., например, у Ксенофонта, «Государственное устройство Спарты», IV, 5. Эти аспекты греческого полиса специально анализируются у Детьена и Вернана.

ной недоверчивости и терпеливости¹. Список концептуальных персонажей никогда не бывает закрыт и тем самым играет важную роль в развитии и переменах философии; необходимо понять это разнообразие, не сводя его к единству — впрочем, и так уже сложному — греческого философа.

Философ — друг концепта, он находится в потенциальной зависимости от концепта. Это значит, что философия — не просто искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты, ибо концепты — это не обязательно формы, находки или продукты. Точнее будет сказать, что философия — дисциплина, состоящая в творчестве концептов. Стало быть, друг оказывается другом своих собственных творений? Или же действительность концепта отсылает к потенциам друга, сливая в одно целое творца и его двойника? Творить все новые концепты — таков предмет философии. Поскольку концепт должен быть сотворен, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о «творчестве» обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, — искусство философа сообщает существование также и умственным сущностям, а философские концепты тоже суть «sensibilia». Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. Ницше так характеризовал задачу философии: «Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться. До сих пор, в общем и целом, каждый доверял своим концептам, словно это волшебное приданое, полученное из столь же волшебного мира», — но такую доверчивость следует заменить недоверчивостью, и философ особенно должен не доверять именно концептам, коль скоро он не сам их сотворил (об этом хорошо знал Платон, хотя и учил противоположному...)². Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?

Теперь, по крайней мере, мы видим, чем не является философия: она не есть ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация, пусть даже она, бывало, и считала себя то одним, то другим из них, в силу способности каждой дисциплины порождать свои собственные иллюзии и укрываться за ею же специально наведенным туманом. Философия — не созерцание, так как созерцания суть сами же вещи, рассматриваемые в ходе творения соответствующих концептов. Философия — не рефлексия, так как никому не нужна философия, чтобы о чем-то размышлять; объявляя философию искусством размышления, ее скорее умаляют, чем возвышают, ибо чистые математики вовсе не дожидались философии, чтобы размышлять о матема-

¹ О связи дружества с возможностью мышления в современном мире см.: Blanchot, *L'amitié et L'entretien infini* (диалог двух утомленных), Gallimard. А также: Mascolo, *Autour d'un effort de mémoire*, Ed. Nadeau.

² Nietzsche, *Posthumes 1884–1885*, *Œuvres philosophiques XI*, Gallimard, p. 215–216 (об «искусстве недоверия»).

тике, как и художники — о живописи или музыке; говорить же, будто при этом они становятся философами, — скверная шутка, настолько неотъемлемо их рефлексия принадлежит их собственному творчеству. Философия не обретает окончательного прибежища и в коммуникации, которая потенциально работает только с мнениями, дабы сотворить в итоге «консенсус», а не концепт. Идея дружеской беседы в духе западной демократии никогда не производила ни малейшего концепта; она, может, и берет свое начало у греков, да только сами греки настолько ей не доверяли, настолько сурово с ней обращались, что у них концепт звучал скорее одиноким голосом птицы, парящей над полем сражения и останками уничтоженных мнений (пьяных гостей на пиру). Философия не занята ни созерцанием, ни рефлексией, ни коммуникацией, хоть ей и приходится создавать концепты для этих активных или пассивных состояний. Созерцание, рефлексия и коммуникация — это не дисциплины, а машины, с помощью которых в любых дисциплинах образуются Универсалии. Универсалии созерцания, а затем Универсалии рефлексии, — таковы две иллюзии, через которые уже прошла философия в своих мечтах о господстве над другими дисциплинами (объективный идеализм и субъективный идеализм), и ей доставит ничуть не больше чести, если она начнет представлять себя в роли новых Афин и отыгрываться Универсалиями коммуникации, долженствующими-де доставить нам правила для воображаемого господства над рынком и массмедиа (интерсубъективный идеализм). Творчество всегда единично, и концепт как собственно философское творение всегда есть нечто единичное. Первейший принцип философии состоит в том, что Универсалии ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению.

Познавать самого себя — учиться мыслить — поступать так, как если бы ничто не было самоочевидно, — удивляться, «изумляться бытию сущего»... — во всех этих и многих других характеристиках философии формируются интересные, хотя в конечном счете и надоедающие человеческие позиции, однако в них не утверждается, даже с точки зрения педагогики, четко определенное занятие, точно ограниченный род деятельности. Напротив того, определение философии как познания посредством чистых концептов можно считать окончательным. Только не следует противопоставлять друг другу познание посредством концептов и посредством конструирования концептов в возможном опыте (или интуиции). Ибо, согласно вердикту Ницше, вы ничего не познаете с помощью концептов, если сначала сами их не сотворите, то есть не сконструируете их в собственной каждому из них интуиции, — это поле, план, почва концептов, которые не совпадают с ними самими, но в них скрываются их зачатки и возделывающие их персонажи. Конструирование требует, чтобы любое творение было конструкцией в некотором плане, сообщающем ему автономное существование. Творить концепты — это уже значит нечто создавать. Тем самым вопрос о применении или пользе философии, или даже о ее вреде (кому же она вредит?) ставится по-новому.

Много проблем теснится перед глазами старика, которому явились бы в видении всевозможные философские концепты и концептуальные персонажи. Прежде всего, концепты всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбницианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская

длительность... А сверх того, некоторым из них требуется для своего обозначения необыкновенное слово, порой варварское или же шокирующее, тогда как другим достаточно самого обычного повседневного слова, наполняющегося столь далекими обертонами, что нефилософский слух может их и не различить. Одним потребны архаизмы, другим неологизмы, пронизанные головокружительными этимологическими изысканиями; этимология здесь — характерно философский род атлетизма. Очевидно, в каждом случае есть какая-то странная необходимость в этих словах и в их подборе, что-то вроде стиля. Для того чтобы окрестить новый концепт, требуется характерно философский вкус, проявляющийся грубо или же вкрадчиво и создающий внутри языка особый язык философии — особый не только по лексике, но и по синтаксису, который может отличаться возвышенностью или же великой красотой. Кроме того, хотя у каждого из концептов есть свой возраст, подпись создателя и имя, они по-своему бессмертны — и в то же время повинуются требованиям обновления, замены и мутации, благодаря которым философия имеет беспокойную историю и столь же беспокойную географию; каждый момент и каждое место пребывает — но во времени, и проходит — но вне времени. Если концепты непрерывно меняются, то спрашивается, в чем же тогда единство философских учений? И в чем состоит отличие наук и искусств, которые не применяют концептов? И как обстоит дело с их собственной историей? Если философия — это непрерывное творчество концептов, то, разумеется, возникает вопрос, что же такое концепт как философская Идея и в чем заключаются другие творческие Идеи, которые не являются концептами, относятся к наукам и искусствам и имеют свою собственную историю, свое собственное становление и свои разнообразные отношения друг с другом и с философией. Исключительное право на создание концептов обеспечивает философии особую функцию, но не дает ей никакого преимущества, никакой привилегии, ведь есть и много других способов мышления и творчества, других модусов идеации, которым не нужно проходить через концепт (например, научное мышление). И нам вновь придется вернуться к вопросу о том, для чего служит эта концептотворящая деятельность, в своем отличии от деятельности научной или художественной; зачем нужно творить все новые и новые концепты, какая в них необходимость, какая от них польза? Что с ними делать? Отвечать, будто величие философии именно в том, что она ни для чего не служит, — такое кокетство более не забавляет даже юношей. Во всяком случае, вопрос о смерти метафизики или преодолении философии у нас до сих пор еще не был проблематизирован, были лишь тягостно-никчемные пересказы давно известного. Сегодня толкуют о крахе философских систем, тогда как просто изменился концепт системы. Пока есть время и место для творчества концептов, соответствующая операция всегда будет именоваться философией или же не будет от нее отличаться, хотя бы ей и дали другое имя.

Однако мы знаем, что у друга или влюбленного как претендента всегда бывают соперники. Если философия действительно, как утверждают, берет начало в Греции, то это потому, что в греческом полисе, в отличие от империй или государств, изобрели агон как правило общества «друзей» — людей, которые свободны, поскольку соперничают между собой (граждан). Такова ситуация, постоянно описываемая у Платона: когда любой гражда-